

Но ты его подвергни той же казни:
Мы оба стоим смерти, спора нет». Достойный герцог тотчас дал ответ,
Сказавши так: «Задача тут проста.
Признаньем вашим ваши же уста
Вас осудили. Это памятуя,
От строгой пытки вас освобожу я.
Но Марсом вам клянусь, что ждет вас плаха». От сострадания нежного и страха
Рыдает королева Ипполита,
И плачут с ней Эмилия и свита.
Казалось, им безмерно тяжело,
Что без вины постигло это зло
Двух юношей владетельного рода,
И лишь любовь – причина их невзгоды.
Заметив раны, что зияли дико,
Вскричали все от мала до велика:
«О, ради дам не будь неумолим», -
И на колени пали перед ним,
Готовые припасть к его стопам.
Но наконец Тезей смягчился сам
(В высоких душах жалость – частый гость),
Хотя сперва в нем бушевала злость,
Но после обозрел он в миг единый
Проступки их, а также их причину,
Хоть гнев его обоих осудил,
Но разум вмиг обоих их простил.
Он знал, что всякий человек не прочь
По мере сил себе в любви помочь,
А также жаждет выйти из неволи.
К тому ж Тезей не мог смотреть без боли
На дам, рыдавших в горе безысходном.
Приняв решение в сердце благородном,
Он так подумал: «Стыд тому владыке,
Что жалости не знает к горемыке
И одинаково, как грозный лев,
Рычит на тех, что плачут, оробев,
И на упорного душой злодея,
Который зло свершает, не краснея.
Да, неразумен всякий властелин,
Который мерит на один аршин
Гордыню и смирение людей». Когда от гнева отошел Тезей,
Взглянул на все он светлым оком снова
И громко молвил всем такое слово:
«О бог любви! о benedicite!⁸²
Какую власть несешь в деснице ты!
Препоны нет, что б ты сломать не мог,
Поистине ты – чудотворный бог!
Ведь можешь ты по прихоти своей
Как хочешь изменять сердца людей.
Вот Паламон с Арситой перед нами,

⁸² Благословенный (лат.).